

leon". в Red Star at Sea, ред. Herbert Preston (Annapolis: U.S. Naval Institute, 1974). 14.

86 Пример этого: Н.А.Халфин. Присоединение Средней Азии к России. М., Наука, 1965, где этот процесс описывается как "присоединение", а не "завоевание" — в противоположность школе Покровского 30-х годов.

87 Pierce, Russian Central Asia (1960), 184-189; В.Н. Sumner, Tsardom and Imperialism in the Far East and Middle East 1880-1914 (London: British Academy, 1942.)

КОНФЕРЕНЦИЯ О КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ (ВАРШАВА, СЕНТЯБРЬ 1994 Г.)

Герман Шварц (США)

ПОСТАНОВЛЕНИЯ НОВЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ЛЮСТРАЦИИ

Я намерен обсудить одну из самых трудных и болезненных проблем любого переходного периода: как новое общество должно относиться к грехам и злоупотреблениям былых времен. При этом я затрону некоторые спорные вопросы, связанные с конституционным статусом экономических и социальных прав.

Заря свободы, которая, как всем казалось, разгорелась над Центральной Европой в 1989 г., принесла с собой мощную волну эмоций, направленных против несправедливостей и преступлений недавнего прошлого. Среди источников этого возмущения не последнее место занимали сведения о том, насколько часто и в каких масштабах коммунистические режимы и их секретные службы прибегали к услугам тайных осведомителей и иных доносчиков, предававших родных и друзей. Эти факты, внезапно оказавшиеся достоянием гласности, для многих обернулись тяжелыми потрясениями, страданиями и даже подлинными трагедиями.

Когда тайное наконец стало явным, в странах Восточной Европы возникло сильнейшее желание немедленно вышвырнуть из коридоров власти всех виновников этих мерзостей — от высших чинов до простых исполнителей. Это объяснялось как естественным человеческим стремлением к отмщению и воздаянию, так и вполне реальными опасениями, что если эти люди сохранят былые посты, они будут саботировать усилия реформаторов. Коммунистические и некоммунистические партии, ненавидимые обществом и утратившие почти всякое влияние, лишь в слабой степени могли

противостоять этим настроениям (впрочем, им удалось сохранить свои денежные средства, организационные структуры и другие ресурсы, что впоследствии сослужило им очень хорошую службу).

К сожалению, сторонники жесткой линии подчас руководствовались и иными, не столь благородными мотивами — от политического соперничества и сведения личных счетов до погони за освобождающимися должностями и популярностью. К тому же многие просто не задумывались о соответствии между виной и наказанием и были готовы стричь всех подозреваемых под одну гребенку.

Как бы то ни было, в Чехословакии, Албании, Болгарии и ряде других стран были приняты законы, направленные на устранение определенных групп людей с тех или иных государственных и прочих постов. С полдюжины таких законопроектов предлагалось и в Польше, но ни один из них не стал законом. Некоторые из этих законодательных актов имели весьма общий характер другие же имели довольно узкую сферу применения.

Принятые законы о люстрации были спустя недолгое время оспорены в конституционных судах Чехословакии, Болгарии и Албании. Интересно, что инициаторами или сторонниками таких протестов нередко оказывались виднейшие противники коммунистических режимов, опасавшиеся, что новые законы приведут к расколу общества и вызовут тяжелейшие человеческие потрясения.¹ Эти разбирательства были очень нелегким испытанием для новых конституционных судов, не имевших опыта в такого рода делах. Впрочем, и сами эти государства не обладали ни традициями, ни опытом использования подобных правовых институтов с их потенциально громадными полномочиями. Чего можно было ждать от этих все еще непривычных и неопробованных на практике правовых учреждений при решении столь сложных и мучительных проблем? А чем станут судебные разбирательства — важным шагом к торжеству принципов права и законности или всего лишь словесными упражнениями, никак не способными приблизить реальное становление конституционной демократии?

Болгарский, чехословацкий (дело было еще до разделе-

ния Чехии и Словакии) и албанский конституционные суды вынесли различные вердикты по представленным на их рассмотрение люстрационным законам. Я попытаюсь описать и проанализировать каждое из этих постановлений, основываясь на имеющихся в моем распоряжении материалах. В заключение я сделаю ряд замечаний по всем трем решениям. Хотя их приняли суды разных стран с разными проблемами и политическими условиями, эти вердикты содержат и немало общих черт.

БОЛГАРИЯ

Первые два дела разбирались в Болгарии летом 1992 г. Одно из них было связано с правом на руководящие должности в банках, второе — с правом на пенсию.

Представляется, что болгарский Конституционный суд не отличается монолитностью. В Болгарии коммунисты все еще остаются влиятельной политической силой — не исключено, что и самой влиятельной. Мне рассказывали, что шестерых из двенадцати членов суда называют "красными", а других шестерых — "синими", поскольку одних назначила Болгарская Социалистическая партия (бывшие коммунисты), а других — бывшая оппозиция. Четное число судей вообще чревато осложнениями — что делать, если голоса разделятся поровну? Важно учесть, что для отклонения любого закона нужны голоса абсолютного большинства членов Суда, иначе говоря, семи судей — соотношения шесть к шести, шесть к пяти, шесть к двум или даже шесть к нулю еще недостаточно.

Как мне рассказывали сами судьи Конституционного суда, к маю 1993 г. они рассмотрели и решили около семидесяти дел и при этом нередко голосовали не в соответствии с партийной принадлежностью. Их решения включали и вердикт по делу о праве на банковские должности — это был первый люстрационный закон, с которым пришлось разбираться суду. Согласно этому закону, лица, бывшие в течение последних пятнадцати лет штатными сотрудниками или тайными агентами тайной полиции, не могли занимать руководящих должностей в банковской системе. Консти-

туционный суд аннулировал этот закон большинством в семь голосов против четырех.

Решение суда было очень кратким и просто констатировало, причем практически без всякого обсуждения, что в данном случае нарушено право на труд. При этом судьи апеллировали как к конституции Болгарии, так и к ряду международных соглашений (в соответствии с болгарским законодательством, если какие-то внутренние правовые акты противоречат международным обязательствам государства, применяются положения международного права). К этим международным документам относятся Пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Конвенция относительно дискриминации в области труда и занятий (статья 3) и Пакт о гражданских и политических правах. Профессор Лех Гарлицкий отметил, что когда суды принимают решения со ссылкой на экономические или социальные права человека, они обычно приводят в поддержку своих вердиктов и другие аргументы. Эта тенденция проявилась и в действиях Конституционного суда Болгарии, который в обоснование своего решения привлек конституционную статью о запрете дискриминации, а также, что мне представляется важным, статью 25 Международного Пакта о гражданских и политических правах, которая гарантирует каждому гражданину право на участие в государственных делах. Использование этого аргумента логически означает (хотя явно это и не формулировалось), что, согласно мнению Суда, праву каждого гражданина на участие в государственной жизни при прежнем режиме был бы нанесен ущерб, если бы такое участие позднее влекло за собой то или иное поражение в правах. Отсюда, в свою очередь, вытекает законность самого этого участия, что, естественно, разрушает юридическую базу законов о люстрации³. Как я уже отмечал, судьи воздержались от обсуждения своих аргументов, ограничившись просто ссылкой на определенные статьи Конституции и Пакта о гражданских и политических правах, так что о логике их мотивов можно только догадываться.

По этому делу было высказано и другое мнение, но мне

не удалось установить, в чем оно состояло. На основе данных, которые мне удалось собрать позднее, я могу предположить, что оно заключалось в том, чтобы спорный закон просто ввел дополнительные *профессиональные* требования для высших банковских постов, не имеющие явной связи с прошлой деятельностью кандидата. Впрочем, сторонники этой точки зрения не смогли набрать более четырех голосов. Через месяц Суд вынес еще одно решение, связанное с законом о люстрации. Он постановил, что время службы в тайной полиции не может быть засчитано в пенсионный стаж. Обсуждение этого вопроса было несколько более развернутым. Суд обосновал свое решение, сославшись на гарантированное болгарской конституцией право на социальное обеспечение (вновь ссылка на социальное право), но не привлек никаких других аргументов. Против этого решения голосовали лишь два члена Суда.

В следующий раз Суд принял решение по аналогичному делу примерно через полтора года, в феврале 1994 г. Это был одиозный казус, привлечший к себе немалое внимание во всем мире.

Правительство Союза демократических сил (СДС) незадолго до ухода в отставку в конце 1992 г. добилось принятия закона о дисквалификации или увольнении многих обладателей высоких должностей в научных институтах и учебных заведениях, который назвали по имени его автора Георгия Панева законом Панева. Под действие этого закона попало множество лиц, в том числе и те, кто при коммунистическом режиме читал курсы, проходившие по разряду марксистско-ленинской философии, даже если в их лекциях речь фактически шла совсем о другом. Этот закон крайне возмутил академическое сообщество, которое к тому времени и само избавилось от большинства самых ревностных сторонников прежнего режима, и привел к назначению новых выборов в парламент. В соответствии с законом Панева преподаватели и ученые должны были письменно подтвердить, что при прежнем режиме они не занимались теми видами деятельности, которые перечислены в этом законе. В знак протеста многие из них отказы-

вались подписывать такие заявления, даже если они и на самом деле не имели никакого отношения к деятельности, которую закон объявил предосудительной. Под действие закона Панева попали несколько тысяч человек, что вызвало настоящую бурю как в академической среде, так и в обществе в целом. Конституционный суд Болгарии сохранил этот закон в силе. Решение было принято большинством в шесть голосов против пяти; зная имена голосовавших "за" и "против", я прихожу к выводу, что в поддержку закона высказались "синие", а против него — "красные". Противникам закона нехватило лишь двух голосов для его отмены. Решение большинства было сформулировано весьма пространно, но фактически в нем утверждалось лишь одно: явно заимствуя аргументы меньшинства в деле о банках, шесть судей настаивали, что закон Панева просто ввел "квалификационные" требования для отбора профессионально наиболее подготовленных кандидатов на соответствующие должности. Правда, в тексте судебного решения никак не объяснялось, каким образом осуществление закона привело бы к желаемой цели. Судьи отвергли доводы тех, кто усматривал в этом законе дискриминацию, придание правовой норме обратной силе, нарушение университетской автономии и международных договоров и т.п. Это было сделано тоже без всякого обсуждения, посредством лишь одних обобщающих утверждений⁴.

Решение большинства широко критиковалось как "абсурдное", "глупое" и как возврат к коммунистическим временам. Особое мнение по этому поводу было сформулировано одним из судей, профессором Нено Неновским. В своем развернутом и в высшей степени убедительном заключении он детально проанализировал историю закона Панева, высказывания сторонников этого закона и международные договоры, имеющие отношение к делу. Профессор Неновский разобрал различные спорные случаи, в том числе и те, которые большинство даже не удосужилось упомянуть. Он отметил, что решение по закону Панева явно противоречило предшествующим постановлениям Конституционного суда, принятым в связи с законами о люстрации. Неновский также

подчеркнул, что ссылка на профессиональные критерии ничем не отличалась от аргументации сторонников меньшинства в деле о банках, отвергнутой судом большинством семь к четырем.

Совсем недавно суду пришлось иметь дело с тем, что можно назвать обратным законом о люстрации. В июне 1994 г. Болгарская Социалистическая партия в отсутствие депутатов от СДС, бойкотировавших заседание парламента, провела закон о замене одиннадцати членов Высшего юридического совета, который также требует от судей и прокуроров как минимум пятилетнего стажа работы в качестве судей, прокуроров или преподавателей права. Из этого закона следовало, что отныне должности судей и прокуроров смогут занимать лишь те, кто занимал их при старом режиме. По слухам, закон был направлен против Генерального прокурора Ивана Татарчева, ревностно преследовавшего бывших коммунистов. Президент Желю Желев передал этот закон на рассмотрение Конституционного суда. В решении, объявленном 15 сентября, Суд частично оставил закон в силе, однако пункты закона, направленные на замену одиннадцати членов Высшего юридического совета и Генерального прокурора Татарчева, были отклонены шестью голосами против пяти⁵. Я не читал этого решения и поэтому не могу его комментировать. 16 сентября, на следующий день после объявления вердикта, Болгарская Социалистическая партия, демонстрируя явное неуважение к авторитету Суда, все же назначила одиннадцать новых членов Высшего юридического совета, используя положение конституции, согласно которому решения Конституционного суда вступают в силу лишь через три дня после их объявления. Президент Желев и ряд других политиков немедленно предложили Конституционному суду рассмотреть законность этой акции.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

В Чехословакии проблема люстрации обсуждалась полнее, чем где бы то ни было — возможно, из-за крайне широ-

кого характера чехословацкого закона о люстрации. Кажется, что в ходе этой дискуссии все ключевые аспекты люстрации получили должное внимание, однако это была только видимость.

Чехословацкий парламент принял закон о люстрации в 1991 г. Этот документ и в самом деле сформулирован весьма широко — куда шире, чем в других странах Центральной Европы. С самого начала он вводит около дюжины сфер государственной деятельности, подлежащих люстрационной чистке. Затем добавляется возможность аналогичной дисквалификации журналистов, партийных активистов и некоторых дипломированных специалистов. Согласно этому закону, люди, занимавшие после 1948 г. определенные должности (их список прилагается) не могут занимать определенные государственные посты. В законе перечисляется ряд процедур, в соответствии с которыми должны осуществляться кадровая проверка и увольнения.

Весной 1992 г. Закон о люстрации поступил на рассмотрение Федерального Конституционного суда Чехословакии. Это было сделано по инициативе девяноста девяти депутатов парламента, многие из которых во времена господства коммунистов были убежденными противниками режима. Суд занимался этим делом около восьми месяцев, заслушал множество свидетельских показаний и изучил огромное количество документов. Я — американский юрист, и мне это казалось довольно странным, поскольку мы не привыкли к тому, чтобы Верховный суд вызывал свидетелей. Но европейские конституционные суды действуют как суды первой инстанции и потому не могут обойтись без свидетелей. Подчас такая практика вызывает немало неудобств — на процессы уходит много времени и денег, да и технических сложностей возникает немало.

Проанализировав множество документов и заслушав различные показания, суд опубликовал длинейшее постановление, отменяющее одиннадцать положений закона о люстрации, в первую очередь административные процедуры и положения о дисквалификации людей, с которыми органы безопасности лишь предполагали сотрудничать, но в целом закон оставался в силе.

Это постановление заслуживает длительного и тщательного изучения. Оно открывается в высшей степени резким осуждением предшествующего режима, что не слишком типично для подобного рода постановлений.⁶ Как мне кажется, главное в этом вердикте — признание коллективной ответственности. Постановление не содержит никаких аргументов в защиту применимости такого подхода к рассматриваемому случаю — ведь концепция коллективной вины и коллективной ответственности обычно считается антиправовой, хотя в некоторых случаях ее и можно счесть целесообразной. Суд просто вновь и вновь повторяет, что законодательная власть не могла рассчитывать, что лица, занимавшие при старом режиме определенные посты, проявят если и не преданность, то хотя бы лояльность принципам демократии. Суд полностью игнорировал то обстоятельство, что некоторые лица, подпавшие под действие закона о люстрации, давно оставили прежние должности и впоследствии не однажды выказывали подлинную верность демократии. Суд практически воздержался от анализа конкретных должностей, оговоренных в законе, и прочих имеющих отношение к делу обстоятельств, ограничившись общим заключением, фактически равнозначным признанию групповой ответственности. Суд признал, что его вердикт может привести к ряду "формальных нарушений" прав человека, но не придал этому значения.⁷

Против закона о люстрации выступили Международная Организация Труда, председатель Венецианской Комиссии Альберто Ла Перголла, Генеральный секретарь Совета Европы Катрин Лалюмьер и различные организации по защите прав человека. Все их аргументы были отвергнуты судом почти без обсуждения.

К сожалению, Федеральный Конституционный суд Чехословакии не допускал высказывания особых мнений (в республике Чехия эта практика, к счастью, отменена), поэтому решение большинства не могло сопровождаться никакими альтернативными мнениями несогласного с ним меньшинства, даже если несогласие имело место. У этого вердикта есть еще одна слабость — во время принятия закона о люстрации двое судей сами заседали в парламенте и голо-совали за этот

закон. Такое положение дел заставляет, по меньшей мере, заподозрить, что этот суд не проявил полной беспристрастности, которой от него ожидало общество.

АЛБАНИЯ

Напоследок я остановлюсь на решении, принятом в 1994 г. в Албании.

До 1991 г. албанским адвокатам было запрещено заниматься частной практикой. В январе 1993 г. был принят закон, запрещающий на пять лет адвокатскую практику бывшим высоким чинам юстиции, партийным аппаратчикам, тайным осведомителям, выпускникам некоторых партийных школ, участникам подготовки и проведения политических процессов а также тем, кто применял бесчеловечные методы следствия или имел отношение к стрельбе по нарушителям границ. Вскоре 47 адвокатов лишились лицензий. Не было никаких судебных процессов, просто соответствующие лицензии были аннулированы. Потерпевшие обратились в Конституционный Суд Албании, созданный в 1992 г. В мае 1993 г. Суд отменил закон, постановив, что он нарушает право Коллегии адвокатов на самоуправление. В подкрепление своего вердикта Суд сослался также на Пакт об экономических и социальных правах, требующий, по мнению Суда, индивидуальных разбирательств и запрещающий коллективные наказания. Суд особо остановился на положениях закона о бесчеловечных методах следствия и убийствах нарушителей границы и постановил, что коль скоро эти действия являются уголовными преступлениями, то исключение из адвокатской Коллегии является нарушением принципа презумпции невиновности. Наконец, Суд сослался также на документ Венской встречи представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что можно сказать о только что разобранных судебных решениях? Во-первых, естественно спросить, были ли постановления всех трех судов действительно объектив-

ными и беспристрастными и не повлияла ли на них партийная политика? В целом они не вызывают особенно плохого впечатления. Я не могу, однако, не сказать, что вердикт Конституционного суда Болгарии по закону Панева, насколько я знаю, разочаровал и огорчил болгарское общество, поскольку был воспринят как явно политическое решение. Печально и то, что двое судей Федерального Конституционного суда Чехословакии, разбиравшего правомерность закона о люстрации, в бытность депутатами парламента голосовали за этот закон. Вряд ли оба эти факта укрепляют уважение к авторитету права.

Во-вторых, почти все судебные заключения в большей или меньшей степени (иногда очень существенно) опираются на международные соглашения. Из-за этого возникает впечатление, что эти договоры уже инкорпорированы во внутреннее законодательство соответствующих стран, что, конечно, нужно считать очень важным и позитивным моментом. Однако два обстоятельства все же вызывают беспокойство. С одной стороны, в судебных постановлениях цитируются только сами соглашения, но не многочисленные комментарии и уточнения к ним, которые можно найти в решениях Комитета по правам человека и в других источниках. Все эти важнейшие документы никак не упоминаются и не обсуждаются всеми тремя судами — неясно даже, знали ли судьи об их существовании. Далее, постановления всех трех судов совершенно независимы друг от друга и не содержат никаких перекрестных ссылок. Не было ли бы разумнее в ходе каждого разбирательства изучить постановления по аналогичным делам других конституционных судов центрально-европейского региона и сравнить собственные толкования права с выводами коллег?

Перейдем к проблеме социальных прав. Как я уже отмечал, постановления всех трех судов в значительной степени соответствуют наблюдению профессора Гарлицкого, отметившего, что экономические и социальные права редко используются в качестве единственного обоснования судебных решений. Названные суды обычно, хотя и не всегда, ссылались и на некоторые другие права, например, на право на защиту от дискриминации.⁸ Мне все же кажется,

что апелляцию к социально-экономическим правам можно только приветствовать, поскольку она показывает, что общество признает свои фундаментальные обязательства в этом вопросе и что соблюдение этих прав имеет для него самодовлеющее значение, а не ограничивается сиюминутными бюджетными возможностями. Из рассмотренных мною судебных решений вытекает, что права на труд и социальное обеспечение, к которым нередко относятся с пренебрежением и объявляют не имеющими смысла, должны соблюдаться независимо от состояния государственных финансов.

Данные решения вновь заставляют задуматься над проблемой особого мнения меньшинства Суда, которая, с моей точки зрения, имеет и более общее значение. Мнения конституционных судов вряд ли заслужат уважение общества, если они не будут открыты для тщательного изучения и оценки со стороны коллег по профессии, а также, и в особенности, со стороны академического сообщества. Но очень трудно анализировать юридические постановления, не принимая в рассмотрение альтернативные мнения — ведь они нередко акцентируют и проясняют именно те вопросы, которые большинство хотело бы оставить в тени. Мнение судьи Неновского в деле о законе Панева служит тут хорошим примером. Более того, если члены фракции большинства будут знать, что им придется публично отвечать на возражения своих оставшихся в меньшинстве коллег, они будут тщательнее продумывать и лучше обосновывать свои собственные решения.

В заключение я вкратце коснусь качества рассмотренных мною судебных вердиктов. Нельзя не признать, что в основном они сводятся к постановлениям как таковым, которые в должной мере не сопровождаются анализом и дискуссиями — а ведь рассматривались действительно очень сложные проблемы. Как отметил на нашей конференции Марек Новицкий, конституционные суды должны не только выносить решения, но и способствовать правовому образованию общества. Как они этого добьются, если ограничатся одними лишь голыми формулировками своих постановлений?

С другой стороны, эти юридические институты пока еще очень молоды. Мне кажется, не будет ошибкой сказать, что решения, о которых шла речь, представляют из себя совсем неплохое начало.

Примечания

1 Для полноты картины считаю себя обязанным подчеркнуть, что я лично составил соответствующие меморандумы для конституционных судов Болгарии и Чехословакии. Это было сделано по просьбе ряда организаций по защите прав человека, выступивших за пересмотр этих законов по причине их несоответствия различным международным пактам и конвенциям об охране прав человека, подписанных обеими странами.

Что касается Болгарии, то я отмечал, что принятый там закон Панева неоправданно широк по охвату и не содержит процедурных гарантий против его необоснованного применения.

В отношении чехословацкого закона о люстрации было заявлено следующее:

1. Под действие этого закона подпадает куда больше народу, чем необходимо для выполнения его объявленных целей, идет ли речь о подлежащих чистке категориях, сроках ответственности для подозреваемых или их нынешних должностях.

2. Все решения выносятся только на основе данных о прежнем статусе обвиняемых, но не об их поведении.

3. Закон провозглашает принцип не индивидуальной, а коллективной вины.

4. Закон допускает необоснованное применение и не ограждает от актов произвола.

5. Закон вводит ответственность задним числом.

6. Закон не гарантирует честного и беспристрастного разбирательства и не содержит адекватных апелляционных механизмов.

Как было подчеркнуто в меморандуме, чехословацкий закон о люстрации в силу названных особенностей вступает в противоречие с Международными пактами о гражданских и политических правах, с Пактом об экономических, социальных и культурных правах, с Конвенцией о запрете трудовой дискриминации 1958 г. (раздел 111), с Европейской конвенцией о защите прав и свобод личности и с документами Венской и Копенгагенской встреч по реализации Договора о безопасности и сотрудничестве в Европе.

2 Статья 151 (1) Болгарской Конституции.

3 Конституционный Суд Чехословакии встал в этом вопросе на совершенно иную точку зрения, о чем ниже.

4 "Нет никаких оснований утверждать, что ограничения, вводимые законом, направлены против лиц с определенными политическими взглядами или связями. Ни те, ни другие не имеют отношения к существу данного дела. Закон никак не принимает во внимание ни прошлые, ни настоящие политические убеждения и связи; он лишь выставляет требования к профессиональным качествам лиц, участвующих в реализации национальной политики в сфере управления наукой. Именно поэтому право быть членом административных советов научных учреждений дается научной компетентностью кандидата, но не его участием в деятельности, служившей идеологическим или политическим партийным целям". Решение Конституционного Суда N 32 от 1993г.

5 Я не понимаю законности этого голосования. Как я уже отмечал, в соответствии со статьей 151(1) болгарской конституции для отклонения любого закона требуется абсолютное большинство голосов, иначе говоря, не менее семи.

6 См. выше мой комментарий к решению Конституционного Суда Болгарии по делу о банках.

7 Это решение можно сравнить с вердиктом по болгарскому закону о пенсиях, где говорится: "Даже если общество имеет основания для негативной оценки определенного периода своей истории или политического режима... , это не дает ему права нарушать основные права человека или конституционные принципы".

8 Впрочем, ссылки на гарантии против дискриминации на деле близки к ссылкам на социально-экономические права, поскольку покушения едва ли не на каждое право личности можно интерпретировать как дискриминацию.